

Kultūros rūmuose iš nedidelio saviveiklininkų skaičiaus buvo sudaryta agitbrigada, kuri su koncertais lankydavo kolūkius. Savo kūrybos kupletuose ji išjuokdavo įvairias pasitaikančias blogybes, tinginius, chuliganus, girtuoklius.

Plačius ryšius cementininkai palaikė su Medemrodės tarybinio ūkio darbininkais. Kai į Naująją Akmenę su spektakliais atvykdavo teatrai, šio tarybinio ūkio darbininkams buvo skiriama 20—30 vietų.

Miesto bibliotekoje buvo 54 skaitytojai kolūkiečiai.

* * *

Naujoji Akmenė yra puikus pavyzdys, kaip, Tarybinei vyriausybei nuolat rūpinantis pramonės išvystymu, Lietuvos TSR užkampiai greitu laiku virsta pramoniniais rajonais. Dauguma Tarybų Lietuvos statybų buvo aprūpintos savu cementu. Be to, gamykla savo produkcija prisidėjo prie didžiųjų Tarybų Sąjungos komunizmo statybų kituose rajonuose.

Buvę valstiečiai ir jų vaikai tapo kvalifikuotais darbininkais, padidindami pramonės darbininkų skaičių Lietuvoje. Didėjant fabriko gaminiams produkcijai, darbo našumui, kyla darbininkų materialinė padėtis bei gerovė. Darbininkai tampa išsilavinę, kultūringi žmonės.

Naujoji cemento gamykla ir Naujosios Akmenės miestas pagreitino aplinkinių kolūkių materialinės gerovės ir kultūros pakilimą. Kaimai gavo elektros šviesą, naujus gerus kelius, visiems gyventojams tapo lengvai prieinamas švietimas, medicinos pagalba, kultūringas poilsis.

Naujoji Akmenė yra ryškus pavyzdys, kaip tarybinės santvarkos sąlygomis nyksta skirtumas tarp miesto ir kaimo.

РЕЗЮМЕ
РЕЗИЮМЕ

ГОНЧАРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СЕЛЕ ЛАПАЙНЯ

Р. ЯБЛОНСКИТЕ-РИМАНТЕНЕ

В селе Лапайня, недалеко от Дарсунишкиса, на слиянии реки Нямунас и маленькой речки Палапайнис, были исследованы две ямы с культурным слоем, в котором обнаружены кремневые изделия и керамика раннего железного века. Одна яма была овальной формы, длиной в 10 м и шириной в 5 м, вся покрыта слоем угля и сажки толщиной 20—55 см. Немного дальше другая яма диаметром в 80 см — также с культурным слоем. Культурного слоя вокруг ям не имеется. Эти ямы, очевидно, являются местами, на которых сжигались в качестве жертвоприношения звериное мясо или иные продукты питания, приносимые сюда вместе с горшками. Культурный слой состоит из угля, земли и пепла, сцементированного мелкими остатками костей. Черепки, найденные в большей яме, были от семидесяти, а в меньшей — от десяти горшков. В большей яме обнаружено еще 45 кремневых осколков и отщепок, некоторые из них с ретурию, в меньшей — кости серны и кабана. Керамика почти вся одинаковой формы: горшки с узким дном, резко засеченными плечами и во внутрь стянутым краем. Поверхность их штрихована, шероховата и гладка; и только один миниатюрный горшок имел гладкую, но не шлифованную поверхность. Черепки, найденные в селе Лапайня, дают много материала для установления технологии производства горшков. Лепили их из поясов шириной в 6 см, которые заходили друг на друга на 1,2—2 см. Облицовка поверхности имела назначение сделать стенки непроницаемыми для воды. С этой целью поверхность горшка с обеих сторон обтирали связкой травы. Чтобы горшок сделался еще более непроницаемым, штрихованная поверхность обрызгивалась слоем жирной жидкой глины и обжигалась второй раз. Эта уже шероховатая поверхность в поперечном разрезе часто бывает более красна, чем на поверхности, потому что внутренний слой обожжен два раза.

Таким же предшественником ангоба могла быть покрыта и желтая керамика с гладкой поверхностью, как показывает часто отскочившая поверхностная корка, а черные горшки, судя по этнографическим данным, тоже должны были быть скреплены и черными стали только после обжига, после мочения их, еще горячих, в растворе с казеином.

Штрихованные горшки характерны для средней Литвы и средней Белоруссии, и можно считать их этническим признаком этой территории, а шероховатая облицовка поверхности характерна только для западной ее части (теперешней территории Литвы).

ГОРОДИЩЕ МАЖУЛОНИС

В. ДАУГУДИС

В настоящей статье впервые публикуется материал археологических раскопок городища Мажулонис (р-н Игналина), которые проводились еще в 1907—1908 гг. студентом Петербургского Археологического института В. А. Каширским.

Раскопки дали довольно обильный и интересный материал, относящийся большей частью к началу II тысячелетия н. э.

Однако из-за недостаточной научной подготовленности исследователя до нас сохранилось, кроме найденных вещей, только краткий его отчет, несколько черновых записей и чертежей, что не дает возможности составить более полную картину раскопок этого городища, а добытый им материал намного теряет свою научную ценность.

Городище Мажулонис находится на восточном берегу озера Велионис, у дороги Швенчионис—С. Даугелишкес, на отдельной, с крутыми скатами возвышенности, обросшей лесом. Овальной формы его площадка имеет 38 м длины, 29 м ширины и занимает площадь около 1 га и со всех сторон окружена валом до 1,5—2 м высоты.

Раскопки велись на северной и северо-восточной части городища. Вскрыто более 100 м² площади. Культурный слой на городище залегал неравномерно: в середине площадки его толщина не превышала 20—30 см, в то время как по ее краям местами доходила до 5—6 м.

Судя по находкам и сохранившимся чертежам, на городище можно выделить два хронологически различных культурных слоя, нижний из которых датируется I-ой половиной I тысячелетия н. э., а верхний — IX—XIII в. н. э.

К первому, раннему, периоду относятся только отдельные находки, как, например, часть зернотерки, глиняный, круглый плоский грузик с дырочкой в одном краю, подвеска из клыка кабана, штрихованная и черная лощеная керамика. Такая же керамика, вместе с гончарной, недавно была найдена и на селище, у подножья городища.

К первому периоду также относятся и остатки небольшого (около 1,5—2 м высоты) земляного вала, на верху которого, по-видимому, еще стояло какое-то деревянное оборонительное сооружение, вроде забора, укрепленное камнями.

Находок, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э., на городище не найдено. Подобное явление наблюдается и на большинстве других литовских городищ. По-видимому, этому способствовал в то время сравнительно высокий уровень развития земледелия, вследствие чего большинство городищ стали применяться только как убежища.

Во втором, более позднем периоде (IX—XIII в. н. э.), площадка городища обводится мощным, до 5—6 м высоты валом, внутри которого по краям площадки строится целый ряд небольших деревянных, четырехугольных построек, имевших тогда в основном хозяйственное назначение. Во время раскопок В. А. Каширский обнаружил остатки трех таких домиков, которые своей стенкой упирались в вал.

В одном из них, который имел 3,5 м длины и 1,5 м ширины, сохранилось даже семь венцов, был найден целый ряд разных предметов: каменный топор, железный широколезвийный обуховый топор, фрагменты железной косы и ножей, семь шиферных пряслиц, несколько каменных топил, четыре железные наконечники стрел, маленькие круглые стеклянные бусы, две пары железных удил, двое железных, бывших посеребренных стремян, остатки трех больших гончарных сосудов и несколько бронзо-

вых бубенчиков. Некоторые из упомянутых вещей лежали на небольшой деревянной полке, прикрепленной к восточной стенке домика, на высоте третьего венца, а все остальные на земляном полу. Ни очага, ни печи в домике не найдено.

Остатки других подобных построек на городище сохранились плохо, и характеризовать их подробнее очень трудно. Можно только указать, что возле обгорелых и беспорядочно разбросанных отдельных кусков бревен был также найден инвентарь, подобный вышеуказанному, т. е. железный широколезвийный обуховый топор, две шиферные пряслицы, пять железных наконечников стрел, бронзовая круглая зубчатая пряжка, несколько бронзовых бубенчиков и остатки обуглившихся зерен проса, ячменя, пшеницы и ржи.

Кроме указанных находок, в северо-западной части вала и на прилегающей к ней части площадки городища было обнаружено три погребения с труположением. Одно из них было детское; костяк лежал на правом боку, отчасти в скорченном положении, на глубине 50 см. Возле него было найдено два небольших бронзовых браслета; один — со стилизованными звериными головками на концах, другой — с суживающимися концами круглого сечения.

При остальных погребениях никаких вещей не найдено. Поэтому возможно, что эти люди погибли при взятии замка противником, поскольку хронология упомянутых браслетов почти совпадает с последним временем существования городища.

Обильный и разнообразный археологический материал из раскопок городища Мажулонис окончательно опровергает ранее высказанную мысль Л. Крживицкого о том, что в восточной Литве и в раннем средневековье бытовала культура неолитической эпохи.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ПУНЯ (ЕЗНАССКИЙ РАЙОН)

в 1958—1959 гг.

Р. ВОЛКАЙТЕ-КУЛИКАУСКЕНЕ

Городище Пуня находится на правом берегу реки Нямунас, у устья речки Пуняле. Таким образом, городище с трех сторон (южной, западной и северной) окружено водой; четвертую — восточную часть городища защищают искусственные оборонительные системы: мощный вал, имеющий 75 м в длину, 34 м в ширину, 6 м в высоту, и большой ров, достигающий ширины до 15 м (рис. 1).

Городище исследовалось в 1958—1959 гг. археологами Вильнюсского Гос. Университета им. В. Капсукаса. Во время раскопок был сделан разрез вала, достигающий 28 м в длину и 7 м в ширину, и два раскопа на площади городища, занимающие 213 м².

Полученные данные показали, что городище основано только в начале второго тысячелетия в связи с усиливающимися походами крестоносцев на Литву. Это подтверждают некоторые наружные особенности городища, а именно: очень большая площадка, занимающая около 1 га, и мощные укрепления в виде вала и рва. Вал, кроме следов отдельных ремонтов, был капитально укреплен три раза (рис. 2 и 3). В последний раз вал соору-

жался из глины и дубовых бревен, которые клались квадратами по 60—80 см (рис. 5). Найденная в вале керамика (рис. 4) и сделанный анализ остатков обуглившихся бревен показали, что городище укреплялось валом в конце XIII и в начале XIV столетий. Неоднократные разрушения сооружений вала и следовавшие их ремонты говорят о частых нападениях крестоносцев на Пуню вплоть до конца XIV века. В последний раз оно было уничтожено крестоносцами в 1382 году.

Все эти данные как бы подтверждают выдвинутое некоторыми историками мнение, что Пуня является известным из письменных источников замком Пиленай (*Пилленен*), владельцем которого был князь Маргер, трагично погибший в бою с крестоносцами в 1336 году. Конкретный ответ на этот вопрос археологи вряд ли смогут дать.

Но история городища тем не заканчивается. С XV столетия Пуня является королевским двором. Здесь устраивались частые княжеские охоты на крупных диких (копытных) зверей, кости которых найдены в большом количестве на южной части площадки в культурном слое XV—XVII веков (рис. 10). На анализе найденных костей установлено пять видов диких животных, а именно: зубр, лось, благородный олень, кабан и косуля.

В это время городище в основном перестраивалось. На городище был построен кирпичный замок, сделан новый, более удобный прямой въезд во двор. Для этого через старый вал сделан большой раскоп, по сторонам которого стояли кирпичные стены. Одна, именно южная, стена была открыта в 1958—1959 гг. (рис. 6). Предполагают, что она была построена во второй половине XVI века; для ее строительства применялись кирпичи и камни. По изогнутой форме стены (рис. 7) можно полагать, что въезд в середине вала был шириной в 3—4 м, а ближе к площадке он расширялся, достигая ширины до 10 м. В это время западную часть двора окружала какая-то оборонительная стена, фундамент которой был открыт на глубине 1,2 м (рис. 16). Но в конце XVI и в начале XVII века здесь произошел большой пожар, о котором свидетельствуют обуглившиеся сосновые бревна, найденные около упомянутой стены нового въезда. По сделанному анализу обуглившихся бревен, пожар произошел в 1559—1610 годах. По-видимому, в это время была уничтожена и оборонительная стена. Такой вывод истекает из того, что в XVII столетии на этом месте построен уже деревянный дом, остатки которого открыты в верхнем горизонте второго раскопа. Из остатков деревянного дома необходимо отметить следующее: фундамент, сложенный из кирпичей и камней (рис. 17), обугленные части пола и внутри найденные разные железные и керамические изделия. Из последних особенно обращает на себя внимание найденное большое количество изразцов. Преобладают изразцы с гербовым орнаментом (рис. 18). Установлено, что герб в центре изразца принадлежит крупной литовской знати Гонсевских-Корвинов, которые в XVII столетии долгое время были старостами Пуни. Кроме того, обращают внимание карнизные изразцы (рис. 19), а также изразцы, украшавшие середину верхней части печи (рис. 20).

В XVIII столетии и эти постройки были уничтожены пожаром, вернее всего во время шведской инвазии. После этого Пуня постепенно теряет свое бывшее значение.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЛИТВЫ

в 1948—1958 гг.

О. НАВИЦКАЙТЕ

Важное место в истории исследований археологических памятников Литвы в 1948—1958 гг. принадлежит исследованиям грунтовых могильников, проведенным Институтом истории АН Литовской ССР. Через некоторое время раскопками археологических памятников заинтересовались археологи Вильнюсского Гос. Университета им. В. Капсукаса и краеведческие музеи республики.

Исследования грунтовых могильников проводились в западной и северной части Литвы. В западной Литве исследованы следующие могильники: Курмайчай, Пришманчай, Рекете, Лайвяй, Наусодис; в северной части Литвы: Диржай, Дегесяй, Линксмучай, Папиле, ул. Комунару (Варпо) в гор. Шяуляй и др.

В статье дан обзор грунтовых могильников по областям и, кроме того, по хронологическому порядку памятников.

Самым ранним погребальным памятником в западной Литве является **Курмайчай** (Кретингского р-на), который состоит из курганов и грунтового могильника. Курганы характерны для первой половины первого тысячелетия до н. э., а грунтовой могильник — для первых столетий нашей эры. Это прекрасный пример перехода одной формы погребального обряда к другой, перехода с курганов к грунтовому могильнику, с трупосожжения к трупоположению.

По своей конструкции курганы в Курмайчай являются единственным примером на территории Литвы. Характерной чертой курганов являются один или несколько концентрических каменных венцов. В одном кургане погребено до семи сожженных трупов. Погребальный инвентарь курганов в большинстве случаев составляет фрагменты глиняных урн.

По своей конструкции близки к курганам грунтовые погребения с овальными или полуовальными венцами. В одной яме обнаруживаются 1—4 погребения в виде трупоположения или трупосожжения. Умершие хоронились с погребальным инвентарем. Богатым погребальным инвентарем выделяются погребения с трупоположением, в которых обнаружены железные втульчатые топоры, косы, втульчатые наконечники копий, шейные гривны с конусовидными концами, щитовидные фибулы и фибулы с глазообразным орнаментом, браслеты, булавки, бусы.

Особенно богатым погребальным инвентарем выделяется погребение № 22 молодой девушки. Наряду с многочисленными украшениями, на голове девушки была украшенная бронзой шерстяная шапочка. У головы девушки находилась берестяная коробочка с украшениями и клубочком ниток.

В Курмайчай наряду с погребениями людей обнаружено и часть скелета коня.

По характеру своего погребального обряда и инвентарю близкий к Курмайчай является грунтовой могильник в **Пришманчай**, Кретингского р-на, исследования которого проводились в 1958 г. Здесь было исследовано шесть погребений с трупоположением и одно погребение коня, в котором, кроме железных удилов, ничего не найдено.

Характерной особенностью могильника в Пришманчай являются монеты древнего Рима, найденные почти в каждом погребении.

Семь погребений с трупоположением, относящихся к середине I тысячелетия нашей эры, было исследовано в **Рекете**, Кретингского р-на.

Особого внимания заслуживает погребение № 3 двух мужчин. Погребальный инвентарь одного умершего состоит только из втульчатого

топора и косы, в то время как второй погребен вместе с втульчатым железным топором, косой, втульчатым наконечником копья, удилами и одной шпорой. Кроме того, на шее у него была шейная гривна с петлицей и крючком, на груди — арбалетная кольчатая фибула, на руках — браслет и перстни.

Погребальным инвентарем богаты и другие погребения.

Особенно много материалов для исследования погребального обряда и быта дал могильник **Лайвяй**, Кретингского р-на. В Лайвяй вскрыто 267 погребений с труположением и 102 погребения с трупосожжением. Первые погребения характерны для IV—VIII вв., вторые — датируются VIII—XII веками. Погребения с труположением по своему погребальному обряду и погребальному инвентарю близки к другим могильникам западной Литвы.

Погребения с трупосожжением дали более интересный материал, особенно для исследования изменений погребального обряда. Этот материал свидетельствует о том, что трупосожжение развивалось постепенно. Об этом говорят погребения с трупосожжением конца VIII и начала IX веков, которые еще находятся под сильным влиянием погребений с труположением. В погребениях с труположением того периода сожженные кости умершего обнаруживаются в больших гробах, а погребальный инвентарь, по примеру погребений с труположением, расположен по своему назначению.

В IX—X веках, когда преобладало трупосожжение, умершие хоронились по новому образу. Чаще всего сожженные трупы вместе с остатками кострищ ссыпались в большие ямы. Диаметр ям этих погребений достигал 2—3 м. Часто встречаются случаи, когда фрагменты костей сожженного трупа тщательно собирались и ссыпались в небольшие, 20—30 см в диаметре, ямки. Погребальный инвентарь в большинстве случаев обожженный и даже расплавившийся.

В группе погребений с трупосожжением важное место принадлежит погребениям воинов, где, наряду с обыкновенным инвентарем, обнаруживаются мечи.

Разнообразный и обильный материал могильника Лайвяй способствует не только исследованию погребального обряда, но и более глубокому познанию материальной культуры.

Из инвентаря могильника Лайвяй необходимо отметить втульчатые и широколезвийные топоры, втульчатые мотыги, мечи, втульчатые наконечники копий, ножи, роги для питья, витые шейные гривны, арбалетные, подкововидные и круглые пластинчатые фибулы. Арбалетные фибулы из мужских погребений отличаются своей массивностью. Кроме вышеупомянутых изделий, найдены и миниатюрные орудия ткачества, фибулы, глиняные горшочки.

По характеру своего погребального обряда и инвентаря близкими к Лайвяй являются могильники **Наусодис** и **Сирайчяй** VIII—XII вв.

К западной Литве принадлежит и могильник с труположением в **Юодсоде**, но по характеру погребального обряда и находок является более близким к культурной группе северной Литвы.

Грунтовые могильники северной Литвы по погребальному обряду и находкам менее разнообразны, но они резко отличаются от вышеупомянутых могильников западной части нашей республики.

Самым большим исследованным могильником в северной Литве является могильник **Линксмучяй**, Пакруойского р-на, исследования которого проводились в 1948—1949 гг. Всего вскрыто 89 погребений с труположением. В данном могильнике впервые в нашей республике обнаружено так много и таких разнообразных типов изделий: изогнутые ножи, черен-

ковые наконечники копий, короткие широколезвийные мечи; кроме оружия, обнаружены и украшения: фрагменты шапок и головных венков, разнообразные шейные гривны. Шейные гривны с седловидными концами характерны и для могильника **Диржяй**. Во всех могильниках северной Литвы обнаруживаются кольцевидные и крестовидные булавки.

Могильник **Линксмучяй** датируется VII—XI вв., к тому же периоду принадлежат и могильники **Дегесяй** и **Папиле**.

Все исследованные могильники северной Литвы своим погребальным обрядом и материальной культурой отличаются от могильников западной части Литвы и составляют отдельную культурную группу, по некоторым чертам сходную с соседней областью Земгали.

Таким образом, некоторые территориальные различия, установленные на основе исследований грунтовых могильников, приводят к некоторым выводам по вопросам этнической истории, а именно, к выводу о существовании двух отдельных племенных объединений в западной и северной Литве.

Данные исследования важны не только для этнической истории, но и для познания материального быта и общественных отношений.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕРЕВНЕ КЯУЛЯЙКЯЙ

Е. ДАНИЛАЙТЕ

Могильник в деревне Кяуляйкяй (Кретингский р-н), характерный для западной Литвы, относится к концу I и началу II тысячелетия.

Могильник сооружен на невысоком холме, местными жителями называемом «Кирмину калнас», и занимает площадь около 1 га. Местность давно уже известна своими железными и бронзовыми находками, потому что могильник обрушивался при обработке плугом пашни.

Раскопки могильника производились в 1906 и 1908 гг. В мае 1941 года экспедицией Каунасского Гос. Художественного музея была вскрыта площадь величиной в 407 м², в которой найдены 54 погребения (48 труположений и 6 трупосожжений) и одно кострище.

Погребения находились на глубине 75—85 см в дубовых однодревках, и лишь в одном погребении из остатков плоского дна можно предположить, что это был гроб из досок. Следов костей не содержалось. Однако по расположению вещей видно, что умершие лежали на спине, по бокам растянутыми руками и выпрямленными ногами.

В погребении на разной глубине рассеяны мелкие частицы угля и сажки, свидетельствующие о том, что здесь имел место погребальный обряд с огнем.

Трупы хоронились в одном направлении, головой на северо-запад, за исключением одного мужского погребения, где труп лежал головой на юго-восток.

Женские погребения могильника отличаются множеством украшений. Среди орудий труда найдены ножи, пилы, янтарные пряжки. В мужских погребениях — больше всего орудия труда, вещи конского снаряжения. Из украшений в женских погребениях преобладают бронзовые витые шейные гривны с утончающимися петлями и крючком в концах, тордированные; ромбического сечения в середине, красивые бронзовые и серебряные арба-

летовидные кольчатые фибулы, бронзовые крестовидные с трехугольной головкой булавки с цепочками и подвесками, покрытые орнаментированными пластинками и инкрустацией голубого стекла. Булавки эти и круглые бронзовые или железные подвески, покрытые орнаментированной серебряной пластинкой, как будто образовывали один комплект украшения.

Круглые бронзовые и железные подвески, покрытые орнаментированной серебряной пластинкой, и булавки образовывали один комплект украшений. На руках — браслеты с выпукло-вогнутыми сечениями и сильно расширенными концами и спиральные кольца.

В мужских погребениях из украшений найдены бронзовые арбалетовые фибулы с ножкой, напоминающей голову животного, арбалетовидные фибулы с перекладинами на ножке. Найдены две подковообразные спиральными концами и две плоские ажурные фибулы.

Интересной находкой являются янтарные гребневидные подвески, а также янтарные ролики, по всей вероятности, игравшие роль амулета.

В погребениях обнаружена также миниатюрная керамика, остатки коробок из бересты, оковы рогов. Лучше, чем в других могильниках, в могильнике Кяуляйкяй сохранились остатки одежды: шерстяные ткани, выработанные в 2, 3, 4 ремизы, витая узорчатая лента. Железные предметы плохо сохранились.

Могилы с трупосожжением находились в ямах почти круглой формы, где остатки костей, угля и предметы украшения разбросаны по всей яме. Украшения сломаны, но не сожжены. Выделяется погребение № IV, где фрагменты костей были положены в одном конце дубового однодревка. Это свидетельствует о переходе от труположения к трупосожжению.

Могилы в Кяуляйкяй расположены прямыми рядами, что облегчает датировку отдельных погребений. Установлено, что на всей исследованной площади погребения производились со второй половины VIII в. до первой половины IX в. Погребения с трупосожжением относятся к XI в. и находятся дальше от могил с труположением, а между ними осталась еще не исследованная площадь.

Материалы исследований Кяуляйкяй разбросаны по разным местам. Часть материала погибла у всяких любителей; много случайных находок и материалов исследований 1908 года находится в Вильнюсском Историко-Этнографическом музее АН Лит. ССР, а материал, собранный в 1906 году, хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Материал 1941 года находится в Каунасском Гос. Художественном музее, а случайные находки — в Краеведческом музее г. Кретинги.

Исследование могильника еще не окончено.

ОБ ОБРЯДЕ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ В ЛИТВЕ

И. САДАУСКАЙТЕ

С середины I тысячелетия на территории Литвы начинает распространяться обряд трупосожжения, а в конце I и в начале II тысячелетия он становится господствующим. Об обряде трупосожжения в XIII—XIV вв. часто говорят письменные источники. Однако они отмечают лишь самый факт, что умершие сжигаются, и перечисляют предметы, с которыми умершие сжигались. Факт сжигания умерших подтверждают также исследования грунтовых могильников и курганов IX—XII вв. Однако в большин-

стве случаев в грунтовых могильниках и в курганах того периода обнаружены только остатки сгоревших костей и погребального инвентаря. Остатки костров трупосожжения пока встречаются редко и еще мало изучены.

Поэтому возникает целый ряд вопросов, связанных с обрядом трупосожжения. В статье эти вопросы поднимаются и анализируются, основываясь на материалы, полученные из грунтовых могильников и курганов с трупосожжением и костровищами.

Автор приходит к выводу, что умершие сжигались на территории могильника на специально устроенных кострах, которые долгое время использовались для сжигания умерших. В восточной Литве когда-то был обычай сжигать умершего на отдельном костре, на месте которого насыпался курган.

Когда сжигали несколько умерших на одном костре, тогда из костров собирали только часть сгоревших костей и личных предметов, так как из костров, в которых сжигалось значительное число умерших, тяжело было все собрать.

На кострах, кроме личных предметов умершего и перегоревших костей, обнаруживаются кости животных, черепки, которые сюда попали во время обрядов. Множество обрядов связано с обычаем сжигания умерших и сборкой костей из костров. Другая часть обрядов, вероятно, была связана с поминанием умерших.

ПОХОРОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЛИТОВЦЕВ В XIX в. — В ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XX в.

А. ВИШНЯУСКАЙТЕ

В статье дается краткий обзор основной литературы и источников, привлечен имеющийся рукописный этнографический, фольклорный и археологический материал. Указывается на реакционную роль католической церкви, которая с целью духовного порабощения литовского народа, по предлогу борьбы с ее языческими традициями способствовала как дальнейшему их сохранению, так и появлению новых суеверий и измышлений, еще в прошлом столетии довольно сильно сказывающихся в последний момент жизни человека.

В похоронной обрядности литовцев выделены и последовательно проанализированы четыре группы обрядов: 1) обычаи и обряды, связанные с уходом за больным и подготовкой его к смерти, 2) обычаи и обряды, связанные с убранием тела покойника и дежурством при нем, 3) обычаи и обряды, совершаемые в день похорон, 4) обычаи и обряды, связанные с поминками и устройством кладбищ.

О приближении смерти кого-либо литовцы судили по необычному поведению некоторых домашних животных (лошади, кошки, собаки и птиц), пению курицы, появлению вблизи жилого дома кукушки, а также по снам. Предвестником смерти считался таинственный треск подоконника, скрип дверей, вой в печи, кипящей кастрюли и т. п. В основе подобных суеверий лежало верование, что души предков перед смертью своих близких появляются им навстречу.

Душу литовцы представляли себе как туман или тень, которая в момент смерти выходит из тела через рот или пята человека, а из избы — через имеющиеся в ней отверстия: окно, дверь или дымоход.

По народному поверию, душа умершего весь период дежурства у тела покойника дома (*шярменис* или *будинес*) держится в том же помещении, где лежит покойник, стоя у порога или в конце гроба. Литовцы верили, что душа сразу же после смерти человека идет в хлев распрощаться со скотом, пчеловода — с пчелами. Родные умершего, избегая опасности, чтобы душа не уводила с собой скот, т. е. чтобы скот не падал, спешили сообщить скоту об этом факте.

Умершему прежде всего закрывали веки, затем тело покойника умывали теплой водой с мылом и одевали в праздничную одежду. В разных местах Литвы покойник умывался по-разному: его мыли, посадив на скамейке, в кровати, на полу, положив на соломенном снопе. Использованная вода употреблялась против тараканов и других паразитов.

Одежду покойника кропотливо застегивали, чтобы душе не было стыдно появиться «на том свете».

Одетое тело покойника клали на доску, наряженную в виде постели, и лишь перед его увозом на кладбище помещали в гроб, ибо верили, что до этого душа умершего могла присутствовать в устраиваемом в честь ее пире — *шярменис*.

Устраивание *шярменис* до недавнего времени считалось обязательным в том случае, если умерший был состоятельным человеком, чтобы душа его дала покой живым.

До недавнего времени в восточной части Литвы был обычай приносить на *шярменис* ломоть ржаного хлеба, который клался на стол или в корыто и позднее раздавался нищим. Автор предполагает, что это являлось следом жертвоприношения душам предков. С другой стороны, этот обычай связан с обычаем класть хлеб в гроб умершего.

Вместо савана в гроб еще в начале XIX в., по данным археологических раскопок кладбищ того времени, клали монеты, некоторые орудия труда и другие вещи. В восточной Литве невесте или умершей беременной женщине клали в гроб пеленки, крестную рубашку и головную повязку для ребенка. Деньги, по народному поверию, предназначались для того, чтобы покойник мог откупить свое место у души в том же месте ранее похороненного человека.

В древности литовцы хоронили своих умерших не рано утром, а на закате солнца, о чем свидетельствует современный аналогичный обычай, встречаемый в деревнях юго-восточной части Литовской ССР.

Пение духовных песен при проходах гроба на кладбище по своему происхождению является перерождением древнелитовского обычая оплакивания умершего импровизируемыми словами, так называемые *раудос*, которые еще в конце XIX в. можно было услышать по всей Литве, а в настоящее время — лишь в юго-восточной части Литовской ССР.

Делается вывод, что трехкратное бросание горстей земли на гроб при похоронах является старым обрядом, имевшим целью помочь душе умершего освободиться от земли, из среды живых, а также самому избежать страха перед умершим.

Заключительной частью похоронной обрядности литовцев до сих пор является *пакастинес* или *паграбас*, т. е. окончательное пиршество после возвращения с кладбища. Это единственный случай в похоронной обрядности, когда гости приносят с собой съестные продукты.

Поминки устраивались на седьмом, девятом, тридцатом, сороковом дне после похорон, а также в годовщину смерти и ежегодно в день умерших (второго ноября).

Делается вывод, что в похоронной обрядности литовцев XIX в. — начала XX в., наряду с обрядами христианского характера, имеются немало верований и суеверных действий, которые по своему происхождению относятся к глубокой древности. Поэтому похоронная обрядность литовцев является ценным источником для исследования бытовых и культурных явлений жизни народа.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЖЕМАЙТСКОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ЖИЛИЩЕ XVIII ВЕКА

И. БУТКЯВИЧЮС

В статье обобщены полевые данные по жилищам XVIII в., собранные автором во время этнографических экспедиций. Характеризуемые жилые и хозяйственные постройки были найдены с четкой датировкой; время постройки было вырезано на печках, срубах, в поперечных балках или в косяках. Во время экспедиций были обнаружены и инвентаризированы с датировкой XVIII в. три жилых дома, одна клеть и одно гумно. Все они находятся в Кретингском районе.

Собранные данные по жилищам показывают, что для жемайтских жилых домов XVIII века характерен длинный и широкий корпус, невысокие срубные стены. Крыша четырехскатная, соломенная, очень массивная. Дома обшиты вертикальными досками. Планировка жилых домов очень сложная. В центре жилого дома находится отдельное помещение — камин, где готовили пищу, коптили мясо. С обеих сторон каминна находятся сени. В одной половине дома находятся: кухня (*ужпечине*), чистая *троба* (изба) и маленькая комната — *алкерюс*; вторую половину дома составляют: *приешининке* (комната для престарелых родителей), *тробяле* и за ними две коморы-клетки. Для всех этих домов характерны продольные капитальные стены. Во всех упомянутых тробах система отопления построена. Теперешнюю систему отопления составляет плита с обогревательной стенкой. Окна в тробах были маленьких размеров, но в настоящее время увеличены. Надо отметить интересный элемент — навес в одном углу тробы, так называемый *лепис* (*lėpis*) — то есть веранда, которая очень часто встречалась в старинных «нумах» с очагом. Характеризуемые жилые дома без украшений, но обшивка домов, двери и крыша в хорошем соотношении со стенами и в эстетическом отношении составляют хороший вид.

Была инвентаризирована одна клеть XVIII в., построенная в 1753 г. Интересно, что она построена без употребления гвоздей и вообще без железа. Стены клетки вертикально обшиты досками, крыша четырехскатная, соломенная, массивная, с широкими навесами. План клетки асимметричен, в ней находятся 6 помещений: спереди *мергос камара* (комната для служащих девушек), рядом *приешклетис* (клетсунга) и за ней клеть для зерна. В другом конце — три коморы. Впереди клетки есть приклеть. Крыша приклетки подпирается четырьмя профилированными столбиками. Кроме того, профилированы и концы поперечных балок, что составляет декоративный элемент.

В том же Кретингском районе было найдено и инвентаризировано гумно, построенное в 1756 г. Для этого гумна характерен длинный и широкий корпус, крыша четырехскатная, соломенная, конструкция крыши — стро-

пильная. В боковой стороне есть два выезда. В одном конце гумна сооружена рига для сушки хлебов, в ней построена печка. С обеих сторон риги находятся помещения для мякины — *пелудес*. Центр гумна занимает довольно большое помещение — *клоимас*, там происходит молотба и обработка льна. Другая часть гумна образует довольно просторное помещение — сарай (*трисиенис*). Он используется для хранения собраных с полей хлебов, льна; после обмолота в нем складывается солома.

Исходя из проанализированного материала автор приходит к выводу, что прототипом жемайтского жилого дома XVIII века был старинный нумас с открытым очагом.

ДЗУКСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. — НАЧАЛЕ XX в.

М. МАСТОНИТЕ

В статье делается попытка на основе музейного, а также собранного во время этнографических экспедиций материала восстановить традиционный женский костюм второй половины XIX—начала XX веков. Публикуемый материал касается юго-восточной части Литвы — Дзукии.

С развитием капитализма уже в первой половине XIX в. в одежде литовских крестьянок широко применялись покупные текстильные изделия, но в экономически менее развитой Дзукии еще до второй четверти XX в. почти вся крестьянская одежда была домотканной.

Основные части одежды в данный период во всех этнографических частях Литовской ССР были одинаковые, но некоторые различия можно проследить в покрое, колорите и технике изготовления одежды. И дзукская женская одежда не составляла отдельного типа, но она заключала в себе черты, характерные только юго-восточной Литве, так как некоторое влияние оказали экономические условия и соседство белорусского народа.

Комплект традиционного костюма в данный момент состоял из рубахи, юбки, безрукавки, передника, пояса, в зимнее время — из шубы и суконного пальто — сермяги, головного убора, обуви и украшений.

Выделяются два типа женской рубахи этого периода: 1) более ранний — туникообразного покроя с отложным воротником, длинными широкими рукавами и 2) поздний — начала XX в. — со стоячим воротником, покроя под кокетку. Все крестьянки, за исключением богатых, рубашки шили из двух частей: верхнюю — из тонкого полотна, нижнюю, прикрываемую юбкой, — из толстого. В рубахах украшались рукава ниже локтя, воротник, наплечники и грудь. Техника украшения рубашек в юго-восточной Литве была 3 видов: 1) белая гладь, 2) орнамент, выткан красной бумажной нитью, 3) вышивка черным и красным крестиком. Последняя является более поздней; она распространилась в конце XIX—начале XX веков. Самый распространенный орнамент — геометрический, хотя довольно популярный и стилизованный растительный мотив.

Юбки шились широкие и длинные, по узору чаще всего клетчатые, иногда продольно полосатые или одноцветные. И верхние, и нижние юбки ткались из шерсти или льна; цвета яркие: красный, зеленый, желтый, фиолетовый. Любимые сочетания цветов — зеленый с красным, белый с красным, белый с темно-синим или фиолетовым и другие. Юбки, которые по-

сили в начале XX века, выделяются своим покроем и однотонным цветом, а также материалом, часто вытканым из покупного сырья.

Обязательной частью традиционного женского костюма был передник. Передники, которые носили до конца XIX в., почти все были домотканые, клетчатые или мелко полосатые. В начале XX в. в некоторых местах Дзукии распространились черные передники, внизу которых гладью, разноцветной шерстяной нитью вышивались цветы. В то же время более богатые крестьянки носили передники из покупного узорчатого цветного материала. А белые передники, вышитые крестиком или гладью, еще и до настоящего времени, как часть праздничной одежды, сохранились в некоторых районах Дзукии.

К нарядным частям дзукского традиционного костюма принадлежала безрукавка — лиф. В конце XIX в. безрукавки шились чаще всего из домотканного, мелкоузорчатого, яркого материала. Зажиточные крестьянки для безрукавок употребляли также узорчатый бродат или шелк. В начале XIX в. нарядные безрукавки были заменены белыми холстяными лифами, так как поверх рубашек начали носить кофты.

К женским и мужским традиционным костюмам широко применялись пояса. Поясами подвязывали длинные юбки, чулки, из них шили головные украшения и т. д. Пояса также широко применялись во время свадебных обрядов, как самый популярный свадебный подарок для свата, приглашателя, родных и детей. В Дзукии еще до настоящего времени встречаются пояса 6 видов.

Верхней зимней и осенней одеждой в конце XIX—начале XX веков были сермяги, шубы, большие шерстяные и холстяные платки. Более зажиточные крестьянки в данный период носили также пальто из покупного материала, так называемые *ангеркос* или *жюпокай*.

В середине XIX в. разница между замужней женщиной и молодой девушкой заключалась в прическе и головном уборе. Девушки носили косы, а замужние женщины незаплетенные волосы обвертывали лентой вокруг головы. В конце XIX в. различие между прическами девушек и женщин исчезло, — все стали носить косы.

Молодые девушки головы украшали цветами, парчевыми лентами или ткаными поясами. Женщины носили чепцы и намитки. Но со второй половины XIX в. платки — домотканые и покупные — вытеснили все другие головные уборы.

Археологический материал указывает на обильные и разнообразные украшения литовцев, но этнографические данные в этой области очень скудны. Почти единственным украшением в XIX в. были бусы — янтарные и коралловые.

Повседневной обувью дзукских крестьянок в XIX в. были лапти или кожаные постолы. Кроме них, употреблялась также вязанная из ниток обувь, так называемые *челмес*. Праздничная обувь была покупная.

Чулки и перчатки вязали дома из льняных или шерстяных ниток. Большой красотой они не отличались, так как почти всегда употреблялись нити естественных цветов. Более красивыми были шерстяные рукавки длиной в 10—12 см (*решинес*), которые в зимнюю пору носили как женщины, так и мужчины. Они украшались цветными нитками и бусинками.

В настоящее время традиционная одежда употребляется исключительно во время праздников и вечеров художественной самодеятельности. Однако некоторые традиционные элементы отмечаются и в нынешней крестьянской одежде Дзукии.

ПРОИЗВОДСТВО СРЕДСТВ ГУЖЕВОГО ТРАНСПОРТА

С. БЕРНОТЕНЕ

Основным средством сообщения в литовской доколхозной деревне являлся гужевой транспорт. Поэтому производству средств сообщения и ремесленникам уделялось большое внимание. Ремесленники-колесники известны в Литве уже с XVI века. Сначала они поселялись возле имений. Таким образом возникли деревни колесников, получившие название от ремесла, напр., дер. Калесникай (р-н Варена). В XIX—XX вв. почти в каждой деревне имелось хотя бы по одному колеснику, которые изготавливали для крестьян необходимые средства сообщения. До второй мировой войны в местечках появились кузнечные мастерские. Чаще всего колесниками были малоземельные или безземельные крестьяне.

В производстве средств сообщения употребляются специальные орудия и инструменты. Крупнейшими орудиями труда колесников являются: мотовило (*lenktuvas*) для сгибания ободьев и полозьев саней, козел для строгания спиц, колесоделка (*ratadarė*), верстак (*varstotus*), точило (*te-kėlas*) для точения букс (*stebulė*) и др. Из более мелких орудий труда колесника можно назвать: сверло для просверливания букс, рубанок, долото, пилу, резец, прибор для измерения ободьев и спиц и др. Более совершенные и специальные орудия труда встречаются у жемайтских колесников. В восточной части Аукштайтии орудия колесников гораздо примитивнее, поэтому и работа производится вручную. В настоящее время в колхозной деревне наряду со старыми колесниками имеются колесно-столярные мастерские, обеспеченные специальными орудиями труда.

К ВОПРОСУ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ РЕМЕСЕЛ

В. МИЛЮС

В культуре и в быту литовских крестьян, особенно в условиях натурального хозяйства, значительное место занимали орудия труда, предметы домашнего обихода, сделанные самими крестьянами или сельскими ремесленниками. Для некоторой части безземельных и малоземельных крестьян ремесло было одним из основных источников существования. Поэтому исследование сельских ремесел дает возможность полнее осветить экономические и социальные условия жизни разных слоев крестьян, познать уровень народной техники и характер прикладного искусства.

При исследовании ремесел прежде всего возникает вопрос, представители каких слоев населения становились ремесленниками. В феодальное время в замках, имениях великого князя, в поместьях феодалов ремеслу обучались дети крепостных крестьян. Сельские ремесленники своим трудом выполняли феодальные повинности и по тогдашнему праву ценились больше рядовых крестьян. В период капитализма основную массу сельских ремесленников составляли безземельные и малоземельные крестьяне и жители местечек. Дети более зажиточных крестьян ремесленниками становились в том случае, если семья была многочисленная и не хотелось дробить хозяйство. Почти все ремесленники были мужчинами, за исключением портных и гончаров, которыми были и женщины.

Ремесленники-деревообделочники своему ремеслу учились самостоятельно. Плотники, еще будучи подростками, учились у отцов или старших братьев, участвуя при строительстве, где приобретали навыки работы. Некоторые ремесленники (портные, сапожники, а также плотники) учились у мастера, на первом этапе обучения платя ему за учебу, на втором — получая долю общего заработка. Иногда ремесло передавалось по наследству (гончарство, кузнечное дело).

По этнографическим данным XIX—XX вв., самыми многочисленными в литовской деревне были ремесленники-деревообделочники, в особенности изготавливавшие предметы домашнего обихода. Большинство из них отличались универсальностью: те же мастера изготавливали домашнюю утварь, мебель, средства сообщения, строили дома. Некоторые мастера были не только простыми ремесленниками, но и изобретателями, творцами новых форм. В Литве были местности, где сосредотачивалось немалое количество ремесленников одной специальности; это обуславливалось природными условиями: изобилием леса (бондари в Вевисском районе), подходящей для гончарства глины (местечки Куршеная и Векшняй).

В исследовании ремесел важное место занимают вопросы о месте работы, орудиях труда, способах обработки сырья и процессе работы. В Аукштайтии ремесленники работали в том же помещении избы, где протекала повседневная жизнь семьи, в юго-восточных районах — в пристройке к клету или хлеву, в Жемайтии — в одном из помещений жилого дома. Ремесленники почти все орудия труда изготавливали сами, только некоторые железные части для них покупали в магазинах, делали у кузнецов.

Сельские ремесленники свои изделия реализовывали сами, редко через посредников. Известно несколько способов реализации продукции: 1) если ремесленник работал по заказу, то заказчик получал изделия у него дома, 2) если ремесленник производил больше, то свою продукцию он продавал на базарах.

Автор статьи также поднимает вопрос культурных связей между литовцами и соседними народами в области ремесел: 1) насколько изделиями литовских ремесленников пользовались соседние народы, 2) насколько литовские крестьяне пользовались работой ремесленников соседних народов, 3) влияние изделий ремесленников соседних народов на характер изделий литовских ремесленников.

В колхозной жизни сельские ремесленники принимают участие как в полевых работах, так и в изготовлении разных изделий для колхозов и колхозников.

АЛЕКСАНДРАС ГРИШКЯВИЧЮС — ОСНОВОПОЛОЖНИК АВИАЦИИ В ЛИТВЕ

В. МЕРКИС

При изучении истории литовской культуры большой интерес представляет строительство первого летательного аппарата в Литве. По этому поводу было опубликовано в газетах и журналах несколько небольших статей. Однако до сих пор нет более крупной работы о А. Гришкявичюсе и его изобретательской деятельности.

Уже в конце XVIII в. — начале XIX в. ученые Вильнюсского университета проявили большой интерес к новейшим мировым достижениям в области авиации. В 1804—1809 гг. в Вильнюсе были пущены первые воздушные шары и аэростат с человеком.

В середине XIX в. в передовых странах мира проходили упорные научные и практические изыскания по созданию летательного аппарата тяжелее воздуха.

В этой области немаловажную работу проделал А. Гришкявичюс.

А. Гришкявичюс родился в 1809 г. в Литве, в Жемайтии. Обучался в Кедайняйском училище. В 1824 г. в школе царской полицией была обнаружена антиправительственная организация. Вследствие этого школа была закрыта. А. Гришкявичюс и другие ученики были отданы под надзор полиции. В 1830 г. А. Гришкявичюс поступил на государственную службу, работая в системе Литовско-Виленского губернского правления. Во время восстания 1831 г. А. Гришкявичюс ушел в отставку. В 1834 г. служил в Шавельском (Шяуляйском) уездном суде, а затем и в городской ратуше, где проработал 10 лет в качестве секретаря. В 1846—1854 гг. служил переводчиком в Палате гражданского суда Ковенской губернии. Со службы А. Гришкявичюс был уволен ковенским губернатором по одному совершенно ложному обвинению.

Оставшись без работы, А. Гришкявичюс почти все время проживал в местечке Векшняй, Ковенской губернии (см. рис. 3). В 1860 г. он закончил свой труд «Rzeczywistość w przyrodzeniu» («Действительность в природе»), направленный против христианской церкви и религиозных предрассудков. Упомянутый труд вопреки воле автора попал в руки царской цензуры. А. Гришкявичюс был привлечен к суду, но ему удалось избежать сурового наказания.

А. Гришкявичюс умер 11 февраля 1863 г. и похоронен в м. Векшняй.

А. Гришкявичюс, несмотря на то, что не имел специального технического образования, живо интересовался развитием авиации. Первым толчком для самостоятельных исследований были сведения об испытании летательного аппарата Хенсона в Лондоне в 1843 г. А. Гришкявичюс тщательно изучал полет птиц, соотношение их веса с длиной крыльев, критически рассмотрел созданные в тот период летательные аппараты. Уже в 1844 г. он подготовил свой первый проект летательного аппарата и через Шавельский городской магистрат послал его в Петербург в Академию наук.

Не получая нужных средств для осуществления своего первого проекта, А. Гришкявичюс продолжал теоретические расчеты. В 1851 г. он издал небольшую книгу под названием «Paralot Žmudzina» (см. рис. 1), где излагал теоретическое обоснование задуманного им «паролета». Он подверг критике все известные ему заграничные проекты летательных аппаратов. А. Гришкявичюс категорически не отрицал возможности полета отдельного человека с машущими крыльями, а также полностью не отвергал некоторые другие мало реальные или даже не осуществимые проекты. Не уделяя последним много внимания, основное внимание он сосредоточил на создании самолета с паровым двигателем. Как обязательная часть к самолету предусматривался воздушный шар, предназначенный для облегчения подъема летательного аппарата с тяжелой паровой машиной.

Основным достижением А. Гришкявичюса было то, что он поддерживал идею воздушного винта, предназначенного для движения всего аппарата вперед, и двух неподвижных крыльев «для равновесия». Слабой стороной его проекта было то, что увеличение давления воздуха под основными крыльями он стремился создать с помощью двух дополнительных вертикально машущих крыльев. Увеличение скорости продвижения вперед А. Гришкявичюс предполагал осуществить посредством накрытых сверху паровых колес. Управление «паролетом» должно было осуще-

ствляться верхними крыльями. Для того, чтобы «паролет» получил начальную скорость и оторвался от земли «как змей», было намечено спустить его по прямой дороге с холма («паролет» А. Гришкявичюса изображен на рис. 5).

В 1855—1862 гг. А. Гришкявичюс построил летательный аппарат. Испытания для авиатора закончились трагически. Во время посадки он сильно покалечился.

Проекты и испытательные работы А. Гришкявичюса в условиях господства крепостничества и царского самодержавия не нашли нужной поддержки.

КАУНАССКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР В XVII ВЕКЕ

Э. ЛАУЦЕВИЧЮС

Обычно принято считать, что во второй половине XVII века, как и в прежнее время, золотые и серебряные монеты для всего Великого Княжества Литовского чеканились на монетном дворе в городе Вильнюсе и только медные шилинги чеканились в другом монетном дворе, который находился в городе Каунасе и был сдан в аренду Гданскому купцу Г. Горну (И. Тышкевич, Гутен-Чапский, М. Гумовский).

Автором данной статьи обнаружены архивные материалы, показывающие, что в Вильнюсе монетный двор прекратил свое существование в 1655 году.

Новый монетный двор был вновь учрежден в Каунасе.

Таким образом, в городе Каунасе оказались два монетных двора: Г. Горна, который чеканил с 1663 по 1667 год только медные шилинги, и новый монетный двор Т. Л. Боратини, предназначенный для чеканки золотых, серебряных и медных монет.

Во вновь учрежденном монетном дворе отчеканенные монеты приводятся в статье в виде таблицы.

Кроме того, в статье дается описание самого монетного двора, указывается имеющийся инвентарь, а также в общих чертах описывается техника чеканки монет.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА «КУЛЬТУРА» В ЛИТВЕ

А. ГАЙГАЛАЙТЕ

Общество «Культура» было основано по инициативе прогрессивной части интеллигенции в конце 1920 года в Шяуляй. Свою деятельность общество начало в 1921 году. Общество «Культура» ставило своей целью повышать культуру народа, учреждать просветительные учреждения, книжные магазины, народные дома и т. д.

Общество «Культура» развивало свою деятельность в следующих направлениях: заботилось об издании научно-популярных книг для широких слоев общественности, издавало прогрессивный журнал «Культура», а для организации культурной работы на местах основывало кружки культуры.

Для сохранения легальности в рамках буржуазного строя общество «Культура» ограничивалось организацией культурной работы.

Все же, несмотря на эту мелкобуржуазную ограниченность общества «Культура», организованные им кружки культуры, журнал «Культура» и другие его издания выполняли определенную работу в области народного образования. Оно помогало снизить количество неграмотных и малограмотных в стране, разоблачало религиозный фанатизм, повышало интерес трудящихся к материалистическому пониманию явлений природы и общества, воспитывало недоверие к существующей клерикальной, а позже фашистской диктатуре в Литве.

Вокруг «Культуры» спланивались прогрессивные ученые, писатели, художники, учителя, позже ставшие активными работниками науки и культуры Советской Литвы, включившиеся в строительство социализма и коммунизма в нашей стране.

ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТВЕ В 1918—1919 гг.

Т. АДОМОНИС

Автор на материале периодической печати и архивов, а также воспоминаний участников, дает обзор мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства по организации художественной жизни в Советской Литве в период 1918—1919 гг., освещает работу по организации художественной жизни, по охране памятников архитектуры, по распространению знаний об искусстве в народных массах и по использованию искусства как средства пропаганды.

26-го января 1919 г. был организован «Производственный союз работников изобразительного искусства Вильнюса». При Народном комиссариате просвещения был создан Отдел искусства, возглавляемый коллегией. На отдел искусств возлагались регистрация и охрана памятников искусства, организация и устройство музеев; руководство всеми работами и проектами в области искусств; организация художественной промышленности, выставок, художественных учебных мастерских, архитектурно-проектировочных мастерских; контроль за строительством; оформление городов; обеспечение театров декорациями; оформление рабочих клубов и прочих общественных и государственных помещений; дело художественного обучения и популяризации искусства. В феврале того же года было опубликовано несколько постановлений и распоряжений правительства об охране памятников культуры и искусства, об их национализации, об организации музеев для концентрации и показа массам этих памятников. Были учреждены Вильнюсский государственный художественный музей, Историко-этнографический музей, Музей народного и прикладного искусства. Членам семьи художника М. К. Чюрлиониса назначены пенсии. Начата усиленная работа по собиранию памятников искусства и культуры в Вильнюсе и его окрестностях. Для охраны тех памятников, которые не могли быть помещены в музеях, была учреждена Археологическая комиссия с отделами изобразительного искусства и архитектуры. Последний из этих отделов уже приступил к исследованию памятников древней архитектуры Вильнюса. В Вильнюсе был снесен памятник-часовня, построенная царскими властями в ознаменование подавления восстания 1863 года. Начата

установка почетных досок, киосков, украшены лозунгами здания культурных и учебных учреждений. Был объявлен конкурс на плакат и оформление города к празднику 1-го Мая.

Для эстетического воспитания и художественного обучения рабочих масс на фабриках организовались кружки рисования; была открыта «Школа рисования и живописи»; начались подготовительные работы по организации Художественной академии, которая должна была готовить кадры живописцев, скульпторов и архитекторов. Готовился проект строительства здания академии. Организовалась Академия строительства, которая должна была готовить архитекторов, инженеров-строителей, дорожных инженеров, декораторов и квалифицированный технический персонал — конструкторов, техников.

Хотя все эти мероприятия и не были полностью осуществлены, однако они способствовали повышению осознания роли искусства в жизни общества и его значения для культурного роста трудовых масс народа.

ЛИТОВСКАЯ ГРАФИКА В XVI—XIX вв.

П. ГАЛАУНЕ

В статье автор пытается дать обзор развития графического искусства в Литве. Начало этому искусству здесь положила гравюра на дереве, тесно связанная с печатанием книг, главным образом в Вильнюсе.

В XVII веке гравюру на дереве стала вытеснять гравюра на меди. Хотя уже в этом веке, наряду с гравюрой-книжной иллюстрацией, появляется портретная и видовая гравюра, однако она все еще связана с книгопечатанием. Лишь в XVIII веке гравюра на меди отрывается от служения книге и становится эстампом.

Мастерами искусства графики в эти периоды были главным образом иностранцы и весьма немногие — местного, литовского происхождения.

Усиленным темпом графическое искусство стало развиваться после открытия в Вильнюсском университете в 1806 г. кафедры графики, которая затем называлась даже «школой графики». Благодаря профессору этой кафедры, известному графику Иосифу Саундерсу, значение ее в культурной жизни Литвы было первостепенным. Из нее вышел ряд известных представителей классической гравюры, литографии, гравюры на дереве. Все они, их ученики и последователи развивали искусство графики в Литве вплоть до начала XX века.

КОЛЛЕКЦИИ ГРАФИКИ В ЛИТВЕ

П. ГАЛАУНЕ

Статья знакомит с коллекциями графики в Литве в прошлом и в настоящее время. Вкратце говорится об их возникновении, судьбе некоторых из них и их роли в культурной жизни Литвы.

Обзор начинается с коллекции, имевшейся в Вильнюсском университете, говорится о коллекциях вильнюсских музеев и частных лиц. Отмечается существование коллекций в усадьбах крупных помещиков.

КАЭТОНАС ШКЛЕРЮС — ПЕЙЗАЖИСТ

А. САВИЦКАС

В статье дается обзор пейзажного творчества К. Шклерюса, причем подробному анализу подвергнуты, главным образом, работы Шклерюса, показанные на юбилейной выставке 1956 г. Автор использовал также мемуарный материал, дающий представление о Шклерюсе, как о человеке, художнике, педагоге.

Каэтонас Шклерюс — замечательный литовский акварелист, работавший, главным образом, в жанре портрета и пейзажа, — сыграл видную роль в истории литовской пейзажной живописи. Это — художник большого такта, лаконического способа мышления, экономно пользующийся изобразительными средствами. К. Шклерюс первый в литовском искусстве в такой степени использовал возможности живописи пленера, первый с таким профессиональным мастерством показал игру солнечного света, изменчивость полутонов теней, богатство рефлексов в живописи.

Путь развития К. Шклерюса, как пейзажиста, представляется следующим образом: его пейзажи, написанные в период 1904—1919 гг., отличаются еще некоторой примитивностью, и только к 1922 г. его мастерство, как пейзажиста, заметно вырастает, хотя и теперь ему еще не удается избежать пастозного мазка, натуралистической трактовки природы. В третьем периоде творчества К. Шклерюса — 1928—1932 гг. — талант художника раскрывается во всей его полноте, содержание и форма в его картинах сливаются в гармоническое единство.

При анализе творчества К. Шклерюса мы наблюдаем непрекращающуюся борьбу двух начал — реалистической русской школы — с одной стороны, и западного импрессионизма — с другой стороны. Если в первом периоде (1904—1919 гг.), а также в работах последних лет жизни и творчества решающее значение имеют реалистические принципы, то этого нельзя сказать о целом ряде других акварелей (напр., периода 1924 г.), где фигуры людей растворяются художественными контурами в пространстве. Однако формалистические тенденции не нашли для себя почвы в дальнейшем творчестве К. Шклерюса.

К. Шклерюс — ценный и близкий нам художник, сумевший в своих лучших работах — пейзажах правильно, глубоко реалистически, с настоящим поэтическим чувством вослеть литовскую природу. К. Шклерюс вписал яркую страницу в историю нашего изобразительного искусства, и нашей обязанностью является освоить те хорошие традиции искусства акварели, которые он нам оставил.

КУЛЬТУРА И БЫТ РАБОЧИХ ЦЕМЕНТНОГО ЗАВОДА НАУЁЙИ АКМЯНЕ

И. ДОБРОВОЛЬСКАС

В статье, опираясь на собранный материал в разных учреждениях города, на цементном заводе и в периодической печати, дается краткая история возникновения и роста рабочего поселка-города — Науёйи Акмяне. Решением Совета Министров Литовской ССР (1945 г.) в 1947 г. было начато и в 1952 г. окончено строительство первой технологической линии Акмянского цементного завода. Одновременно с постройкой и дальнейшим ростом завода из рабочего поселка вырос город — Науёйи Акмяне.

На завод пришли новые люди, вчерашние крестьяне и их дети, которые стали высококвалифицированными рабочими, активными руководителями производства. С каждым годом на завод поступает все больше молодежи со средним образованием. Уровень образования рабочих повышается и потому, что десятки молодых рабочих без отрыва от производства продолжают учебу в вечерней школе рабочей молодежи, в открытом в 1958 г. филиале Вильнюсского технологического техникума и других учебных заведениях республики.

За несколько лет выросла заработная плата рабочих и улучшился их быт. Так, в январе—феврале 1959 г. средняя заработная плата рабочих составляла 1030 рублей в месяц. Повышение материального уровня показывает и тот факт, что в 1959 году в поселковой сберегательной кассе хранилось свыше миллиона рублей сбережений рабочих. К услугам рабочих в поселке открыта больница на 50 мест, детский сад и ясли. Рабочие охотно посещают дом культуры, в котором в 1959 г. в разных кружках художественной самодеятельности занималось 240 участников. Более половины читателей в библиотеке, имеющей свыше 15 000 томов книг, составляют рабочие. Акмянских рабочих посещают театральные коллективы всего Советского Союза. Так, в 1959 г. здесь гастролировали артисты Московского цирка, Дальневосточная эстрада, театры Каунаса, Шяуляй, Капсукаса и другие коллективы.

Народные традиционные праздники, сопровождаемые карнавальными шествиями, разнообразными художественными программами, стали массовыми праздниками молодежи.

Постройка завода и города оказала также большое влияние на повышение культурного уровня крестьян окрестных деревень. Многие колхозы получили электроэнергию от заводской высоковольтной линии, в колхозе им. Черняховского с помощью завода был построен клуб.

Строительство цементного завода является примером того, как в Советской Литве постепенно стираются различия между деревней и городом.

SUTRUMPINIMAI

AES	— Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos instituto archeologijos-etnografijos sektoriaus rankraštynas
AVK	— Акты, издаваемые Виленской археологической комиссией, Вильна
CVA	— Lietuvos TSR Centrinis valstybinis archyvas
CVIA	— Lietuvos TSR Centrinis valstybinis istorinis archyvas
GK	— Kraštotyros žurnalas „Gimtasai kraštas“
IEM	— Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos-etnografijos muziejus Vilniuje
IIB	— Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos instituto biblioteka
ILKI	— Iš lietuvių kultūros istorijos, 1, Vilnius, 1958; 2, Vilnius, 1959
KKM	— Kretingos Kraštotyros muziejus
KPIA	— Kauno Politechnikos instituto archyvas
KRB RS	— Lietuvos TSR Respublikinės bibliotekos Rankraščių skyrius (Kaune)
KSIIMK	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
KVDM	— Kauno Valstybinis M. K. Čiurlionio vardo dailės muziejus
KVIM	— Kauno Valstybinis istorinis muziejus
LIS	— Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, 1, Vilnius, 1955
LOIIMK ar- chyvas	— Архив Ленинградского отделения Института истории материальной культуры
LMD	— Buv. Lietuvių mokslo draugijos tautosakos rankraščiai, saugomi Lietuvos TSR Mokslų akademijos Lietuvių kalbos ir literatūros instituto rankraštyne
LTR	— Lietuvių tautosakos rankraščiai, saugomi Lietuvos TSR Mokslų akademijos Lietuvių kalbos ir literatūros instituto rankraštyne
MAII	— Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas
MIA	— Материалы и исследования по археологии СССР
NACGA	— Naujosios Akmenės Cemento gamyklos archyvas
PSRL	— Полное собрание русских летописей
VKMA	— Valstybinis Kauno miesto archyvas
VE	— Valstybinis Ermitažas Leningrade
VUB	— Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko vardo universiteto Mokslinės bibliotekos Rankraščių skyrius
VVU AEK	— Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko vardo universiteto Archeologijos-etnografijos katedra

TURINYS

Ankstyvojo geležies amžiaus Lapainios puodžiai (<i>R. Jablonskytė-Rimantienė</i>)	3
Mažulonių piliakalnis (<i>V. Daugudis</i>)	16
Punios piliakalnio (Jiezno raj.) 1958—1959 m. tyrinėjimų rezultatai (<i>R. Volkaitė-Kulikauskienė</i>)	41
Plokštinių kapinynų tyrinėjimai Lietuvoje 1948—1958 m. (<i>O. Navickaitė</i>)	66
Archeologiniai tyrinėjimai Kiauleikiuose (<i>E. Danilaitė</i>)	101
Dėl mirusiųjų deginimo papročio (<i>I. Sadauskaitė</i>)	125
Laidotuvių papročiai Lietuvoje XIX—XX a. pirmaisiais dešimtmečiais (<i>A. Vyšniauskaitė</i>)	132
Nauji duomenys apie XVIII a. žemaičių valstiečių pastatus (<i>I. Butkevičius</i>)	158
Dzūkijos moterų drabužiai XIX a. antroje pusėje—XX a. pradžioje (<i>M. Mastonytė</i>)	173
Įkinkomojo transporto priemonių gamyba (<i>S. Bernotienė</i>)	190
Kaimo amatų etnografinio tyrinėjimo klausimu (<i>V. Milius</i>)	199
Aleksandras Griškevičius — aviacijos pradininkas Lietuvoje (<i>V. Merkys</i>)	215
Kauno pinigų kalykla (<i>E. Laucevičius</i>)	231
«Kultūros» bendrovės veikla Lietuvoje (<i>A. Gaigalaitė</i>)	244
Dailės gyvenimo organizavimas Tarybų Lietuvoje 1918—1919 m. (<i>T. Adomonis</i>)	257
Lietuvos grafika XVI—XIX a. (<i>P. Galaunė</i>)	268
Grafikos meno rinkiniai Lietuvoje (<i>P. Galaunė</i>)	289
K. Šklėrius — peizažistas (<i>A. Savickas</i>)	293
Naujosios Akmenės cemento gamyklos darbininkų buitis ir kultūra (<i>J. Dobrovolskas</i>)	318
Reziümė	333
Sutrupinimai	356

СОДЕРЖАНИЕ

Гончары раннего железного века в селе Лапайня (<i>Р. Яблонските-Римантене</i>)	3
Городище Мажулонис (<i>В. Даугудис</i>)	16
Исследования городища Пуня (Езнаский район в 1958—1959 гг. (<i>Р. Волкайте-Куликаускаене</i>))	41
Исследования грунтовых могильников Литвы в 1948—1958 гг. (<i>О. Навицкайте</i>)	66
Археологические исследования в деревне Кяуляйкяй (<i>Е. Данилайте</i>)	101
Об обряде трупосожжения в Литве (<i>И. Садаускайте</i>)	125
Похоронная обрядность литовцев в XIX в. — в первых десятилетиях XX в. (<i>А. Вишняускайте</i>)	132
Новые данные о жемайтском крестьянском жилище XVIII века (<i>И. Буткявичюс</i>)	158
Дзукская женская одежда во второй половине XIX в.— начале XX в. (<i>М. Мастоניתе</i>)	173
Производство средств гужевого транспорта (<i>С. Бернотене</i>)	190
К вопросу этнографического исследования сельских ремесел (<i>В. Милюс</i>)	199
Александрас Гришкавичюс — основоположник авиации в Литве (<i>В. Меркис</i>)	215
Каунасский монетный двор в XVII веке (<i>Э. Лауцевищюс</i>)	234
Деятельность общества «Культура» в Литве (<i>А. Гайгалайте</i>)	244
Организация художественной жизни в Советской Литве в 1918—1919 гг. (<i>Т. Адомонис</i>)	257
Литовская графика в XVI—XIX вв. (<i>П. Галауне</i>)	268
Коллекции графики в Литве (<i>П. Галауне</i>)	289
Каэтонас Шклерюс — пейзажист (<i>А. Савицкас</i>)	293
Культура и быт рабочих цементного завода Науёйи Акмяне (<i>И. Добровольскас</i>)	318
Резюме	333
Сокращения	356

AUS DER GESCHICHTE DER LITAUISCHEN KULTUR, Bd. III.

INHALTSVERZEICHNIS

Die Töpfer der frühesten Eisenzeit in Lapainia (<i>R. Jablonskytė-Rimantienė</i>)	3
Schlossberg von Mažulonys (<i>V. Daugudis</i>)	16
Die Ergebnisse der archäologischen Forschungen des Schlossberges in Punia in Jahren 1958—1959 (<i>R. Volkaitė-Kulikauskienė</i>)	41
Die Erforschungen der platten Gräberfelder Litauens in Jahren 1948—1958 (<i>O. Navickaitė</i>)	66
Die Erforschungen des Gräberfeldes Kiauleikiai (<i>E. Danilaitė</i>)	101
Zur Frage der Verbrennung der Toten in Litauen (<i>I. Sadauskaitė</i>)	125
Die Sitten des Begrabens in Litauen im XIX Jh. und in den ersten Jahrzehnten des XX Jh. (<i>A. Vyšniauskaitė</i>)	132
Neue Angaben über die Gebäude der schemaitischen Bauern im XVIII Jh. (<i>I. Butkevičius</i>)	158
Die südlitauischen Frauengewände in XIX—XX Jh. (<i>M. Mastonytė</i>)	173
Die Erzeugung der Verkehrsmittel des Frachtfuhrwesens (<i>S. Bernotienė</i>)	190
Zur Frage über die ethnographische Forschung des dörflichen Handwerks (<i>V. Milius</i>)	199
Aleksandras Griškevičius — der erste Aviator Litauens (<i>V. Merkys</i>)	215
Münzamt in Kaunas (<i>E. Laucevičius</i>)	234
Die Tätigkeit der Gesellschaft «Kultūra» in Litauen (<i>A. Gaigalaitė</i>)	244
Die Organisierung des Kunstlebens in Soviet-Litauen in Jahren 1918—1919 (<i>T. Adomonis</i>)	257
Litauische Graphik in XVI—XIX Jh. (<i>P. Galaunė</i>)	268
Die Kollektionen der Graphik in Litauen (<i>P. Galaunė</i>)	289
Die Landschaftsgemälde von K. Šklerius (<i>A. Savickas</i>)	293
Neue Lebensformen und Kultur der Arbeiter an dem Zementwerk zu Naujoji Akmenė (<i>I. Dobrovolskas</i>)	318
Verkürzungen	356

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ЛИТОВСКОГО НАРОДА, III Т.

Госполитнаучиздат Литовской ССР, 1961 г.

На литовском языке

Redaktorė *L. Kokštienė*

Viršelis dail. *P. Rauduvės*

Techn. redaktorius *J. Anaitis*

Korektorės: *V. Jūrelienė, E. Diršienė*

Leidiny Nr. 6091. LV 06541 Tiražas 4000 egz.
Duota rinkti 1961.II.24. Pastrašyta spausdinti 1961.VII.I3.
Popierius 70×108^{1/16}=11.25 pop. lapo, 30,825 sp. lanko,
33,09 apsk. leid. lanko. Kaina 2,18 Rb

Spausdino Valst. «Pergalės» sp. Vilniuje, Latako 6.

Užsak. Nr. 524.

6-1